
Ю · Р · И · Й

ПОЛЯКОВ

**Козленок
в молоке**

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения Издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

На обложке использована иллюстрация *Андрея Фереца*

Художественное оформление *Екатерины Ферец*

Поляков, Юрий Михайлович.
П54 Козленок в молоке : [роман] / Юрий Поляков. —
Москва : Издательство АСТ, 2019. — 448 с. —
(Эксклюзивная новая классика).

ISBN 978-5-17-110749-9

Герой романа «Козленок в молоке» молод, легкомыслен и немного заносчив. Он влюблен, а потому чувствует себя всемогущим и берется на пари сделать из первого встречного гения, который, не написав ни единой строчки, станет знаменитым писателем... Главное, чтобы об этом, кроме спорящих, не знала ни одна живая душа. Но никто не знает, какую цену придется заплатить за невинный розыгрыш.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-110749-9

© Ю. М. Поляков
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Литературно-художественное издание

Эксклюзивная новая классика

Поляков Юрий Михайлович

КОЗЛЕНОК В МОЛОКЕ

Роман

Редакционно-издательская группа
«Жанровая литература»

Зав. группой *М. Сергеева*
Руководитель направления *Л. Захарова*
Ответственный редактор *Ю. Надточей*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные

Произведено в Российской Федерации

Изготовлено в 2019 г.

Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звёздный бульвар, дом 21, строение 1, комната 705, пом. I, 7 этаж.
Наш электронный адрес: www.ast.ru

E-mail: zhanru@ast.ru

«Баспа Аста» деген ООО
129085, Мәскеу қ., Звёздный бульвары, 21-үй, 1-қырылыс, 705-бөлме, I жай, 7-қабат.
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: zhanry@ast.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz

Интернет-дүкен: www.book24.kz

Импортер в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию в Республике Казахстан:
ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбаровский көш., 3-а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8(727) 251 58 12, вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Факс: 8 (727) 251 58 12, вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндiрген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 24.12.2018. Формат 76x100 $\frac{1}{32}$.
Гарнитура AcademyC. Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,7.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-17-110749-9

9 785171 107499 >

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН
BOOK24.RU
ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН
BOOK24.RU

Редакционно-издательская группа «Жанровая литература»

Что такое востребованная книга?
Ошибаются люди, думающие, будто для массового читателя писать легче, чем для «элитарного»; как раз наоборот, сделать то, что будет интересно сотне, гораздо проще, чем сочинить историю, которая будет интересна ста тысячам. Мало кто из современных писателей может похвастаться такой аудиторией, но все к этому стремятся; наша задача как сотрудников издательства — обеспечивать автору встречу с «его» читателем.

Наша специализация — «истории».
Увлекательные, хорошо сочиненные и хорошо написанные:
на любой вкус и на каждый день!

Основные направления нашей редакции:
фантастика; остросюжетная проза; современная
сюжетная проза, «мейнстрим»; сентиментальная литература.
Мы издаем бестселлеры и делаем все,
чтобы каждый наш автор нашел своего читателя.

В числе наших авторов —
Борис Акунин, Пауло Коэльо, Анна Гавальда, Януш Леон Вишневский, Павел Санаев, Полина Дашкова, Сергей Минаев, Дмитрий Глуховский, Екатерина Вильмонт, Наталья Нестерова, Юрий Поляков, Юрий Вяземский, Эдуард Тополь, Данил Корецкий, Елена Михалкова, Сергей Тармашев, Роман Злотников, Елена Колина, Виктория Платова, Анна Малышева, Наталия Левитина, Юлия Шилова, Наталья Андреева, Наталья Солнцева, Татьяна Луганцева, Слава Сэ, Марта Кетро, Анатолий Тосс, Анна Старобинец, Татьяна Соломатина и многие другие российские и мировые знаменитости. Мы издаем наследие Аркадия и Георгия Вайнеров, Аркадия и Бориса Стругацких, Иоанны Хмелевской и Владимира Орлова.

Наш адрес — <https://www.facebook.com/Janry.AST>

КОЗЛЕНОК В МОЛОКЕ

Многоуважаемый Иосиф Виссарионович!

«Чем далее, тем более усиливалось во мне желание быть писателем современным. Но я видел в то же время, что, изображая современность, нельзя находиться в том высоко настроенном и спокойном состоянии, какое необходимо было для произведения большого и стройного труда. Настоящее слишком живо, слишком шевелит, слишком раздражает; перо писателя нечувствительно переходит в сатиру...».

Н. Гоголь

Из письма М. А. Булгакова

И. В. Сталину,

30 мая 1931 г.

1. ПРОЛОГ НА НЕБЕСАХ

«Самолет набрал высоту и теперь натужно гудел, точно обожравшийся нектаром шмель, тяжело волокущий по воздуху свое мохнатое тело к скрытой в разнотравье заветной норке...» «Разнотравье» — плохо. В траве... Да, просто в траве! Иногда проще избавиться от избыточного веса, чем от избыточного слова. (Неплохо сказано! Надо бы запомнить.) Пошли дальше. «В иллюминаторе виднелась земля, такая крошечная, что, казалось, отсюда, сверху, можно одним плевком накрыть средний европейский город». Тоже ничего — образно. Но с физиологическим оттенком. Это меня всегда смущает. Попробуйте роденовский «Поцелуй» представить себе в виде интенсивного обмена двух организмов выделениями слюнных желез — стошнит!..

Стюардесса подкатила к моему креслу уставленную бутылками тележку и великодушно предложила на выбор: лимонад — даром, алкоголь — за валюту. От нее

прямо-таки разило парфюмерией. Помимо этого, девушка тщательно демонстрировала свою вызубренную в школе стюардесс улыбку, которую, очевидно, перед сном она вынимает изо рта и кладет в стакан с водой, как пенсионер — вставную челюсть. Это тоже надо бы запомнить. Профессия литератора очень напоминает первобытное собирательство. Вырвал корешок, надкусил. Горько — сплюнул и выбросил, вкусно — сунул в торбочку и дальше побрел.

Вот о каких пустяках я думал, даже не подозревая, что он уже рядом и собирается меня убить или в лучшем случае изувечить...

Я взял сто «Смирновской» и порцию оливочек, фаршированных анчоусами, — на закуску. Долгое время я полагал, что анчоусы — это нечто вызывающе растительное, но оказалось — просто рыбки, наподобие килек. Я заплатил пять долларов, получив вместо сдачи все ту же вставную улыбку. Ерунда! Такие расходы я теперь мог себе позволить, потому что возвращался из Катаньи с гонораром, которого мне должно хватить на полгода скромной жизни.

Собственно говоря, эти полгода я собирался провести за письменным столом, чтобы наконец закончить повесть о партийном функционере, оказавшемся жутким вампиром и по ночам пробиравшемся в сектор учета своего райкома, чтобы, контактируя с фотографиями, наклеенными на учетные карточки, пить биоэнергию из ничего не подозревавших рядовых коммунистов. Улетая на Сицилию, я остановился на том, что, лакомясь одной привлекательной кандидаткой в члены КПСС, он — по фотографии — влюбился в нее без памяти и, чтобы познакомиться поближе, пришел ей персональное де-

ло... Что случится дальше, я представлял себе очень смутно, а заканчивать вещь нужно срочно, иначе будет совсем поздно: все издательства просто завалены беллетризированными поношениями предшествующего режима, ибо это единственное, чем сегодня может прокормиться честный, но не упорствующий в своих принципах писатель. Время, когда можно было заработать на пионерских приветствиях, безвозвратно ушло, а написать нечто стоящее или, как я выражаюсь, «главненькое» мне не удалось и уже никогда, наверное, не удастся... Но жить-то надо!

Если же быть совсем откровенным, то повесть у меня застопорилась задолго до того, как я улетел на Сицилию, на этот дурацкий день рождения, вылившийся в конференцию по обмену опытом между отечественными и итальянскими мафиози. Ведь с повестью — как с женщиной: если ты, обнимая ее, думаешь о другой, разрыв — просто вопрос свободного времени. Сочиняя эту чепуху, я чувствовал себя мерзавцем, который изменяет своей невинной, как свежий гигиенический тампон, невесте с привокзальной цыганкой. И вот однажды, проснувшись утром, я почувствовал, что ненавижу все: сюжет, героев, пишущую машинку, себя... Я ненавижу эту мерзкую, задышливую жизненную борьбу, не оставляющую ни сил, ни желаний для борьбы за мечту. В этом, кстати, и заключается главное, базисное свинство бытия: осуществить мечту можно только за счет тех сил, какие обычно тратятся на борьбу за жизнь. Замокнутый круг. И разорвать его невозможно. Почти... Тех, кому это удалось, можно сосчитать по пальцам. Костожогов, к примеру... Впрочем, пример неудачный: жизнь его в конце концов все-таки сожрала, схарчила,

схрумкала. И не подавилась, скотина! Нет, мир стоит не на слонах, не на китах и даже не на быках. Мир стоит на трех огромных свиньях, грязных, смердящих и прожорливых...

Единственный раз в жизни у меня был шанс разорвать этот проклятый круг, но я воспользовался им, как дуралей, который по счастливой случайности выпустил джинна из бутылки (именно из бутылки!), а на громовой призыв: «Спрашивай чего хочешь!» — спросил: «Который час?»

Итак, повесть о вампире застопорилась. Я целыми днями маялся на диване, пытаюсь вдохновиться чтением разной там нобелевской и бейкеровской графомании, — начинаешь возмущаться: мол, они и писать-то не умеют, а им еще и премий понадавали! Это иногда помогает вернуться (в знак протеста) к письменному столу и, стуча по клавишам, мстить, мстить, мстить. Но на сей раз даже чтение тошнотворного Сартра не помогло. Иногда я вставал, подходил к пишущей машинке, постыдно износившейся от многолетней моей литературной халтуры, тыкал в какую-нибудь букву и испытывал отчетливое желание расколотить эту клавишную шмару о стену моего кабинета, служившего одновременно спальней, столовой и гостиной. Муки творческого бесплодия дополнялись еще и тем, что денег — а я держу их в прикроватной тумбочке — становилось все меньше и меньше. Я даже уже не заглядывал в тумбочку, а просто, приоткрыв дверцу, нашаривал рукой несколько бумажек и спускался в магазин, чтобы купить чего-нибудь пожрать, — чаще всего пельмени — их просто нужно высыпать в кипящую воду и не упустить момент, иначе они развариваются до лохматого бульона, в каком, ес-

ли верить науке, некогда и зародилась жизнь. Впрочем, сам я считаю, что жизнь — это всего-навсего эксперимент Абсолютного Духа.

Наступил день, когда, пошарив рукой в тумбочке, я обнаружил там полное отсутствие надежд на очередную пачкупельменей. Тогда я подошел к столу, ткнул пальцем в клавишу и, не совладав с собой, метнул машинку в стену, оставив там самый глубокий след за все годы моего пребывания в этой квартире. Интересно, что удар пришелся точно в коричневое пятно на обоях, похожее по форме на Апеннинский полуостров с Сицилией и появившееся на стене давно, очень давно, еще до моего бегства в Семиюртинск. Удар пришелся, между прочим, как раз в то место, где, по всем географическим приметам, должен находиться город Катанья. Теряя металлические и пластмассовые фрагменты, машинка рухнула на пол, и тут же по батарейным трубам донесся возмущенный стук нижнего соседа, парализованного старичка. У него действует только правая рука, и он энергично пользуется ею, чтобы выражать свое негодование, если в моей квартире раздается шум. Интересно, что, когда у меня бывала Ужасная Дама, кричавшая во время предварительных ласк так, словно ей без наркоза удаляли аппендикс, лукавый паралитик никогда не колотил по трубам отопления.

Таким вот образом я остался не только без денег, но и без средств производства. Конечно, эпиграммшечки можно было сочинять и без машинки, на память, но спрос на них после прокатившихся по Москве террористических разборок упал до нуля, и я снова оказался в такой же безвыходной ситуации, как после моего жалкого возвращения из Семиюртинска. Лежа на диване

без жратвы и работы, я, как это и водится меж людьми интеллигентных профессий, начал предаваться суицидальным размышлениям, то есть воображал, как, не успев повиснуть в петле, буду вызволен оттуда почтальоном, который вдруг принесет мне солидный денежный перевод за мою давнюю «Историю шинного завода», ни с того ни с сего вдруг переизданную благородным, как Робин Гуд, «новым русским», насобиравшим у пьянчуг мешок ваучеров и приватизировавшим это дымное предприятие.

Иногда я выходил на балкон подышать воздухом и высматривал местечко на газоне, которое после падения с седьмого этажа гарантировало бы мне жизнь и возможность слабо махнуть рукой в сторону примчавшейся к месту трагедии съемочной группы «Экспресс-новостей». Но в конце концов я решил остановиться на пищевом спирте «Royal». От него, как писали в газетах, ежедневно в городе помирало несколько человек. Это было заманчиво: если из трех миллионов активно пьющих москвичей в день погибает всего несколько бедолаг, то я получал гораздо больше шансов выжить, нежели при падении с седьмого этажа даже в заранее облюбованное место. Но чтобы осуществить этот мягкосуицидальный план, нужно было купить бутылку спирта. А денег-то как раз не было!

И тут я вспомнил про акции АО ДДД! Я вложил в них почти все сбережения. Эту глупость я совершил после возвращения из теплоходного круиза Москва — Астрахань, устроенного горячим поклонником моих эпиграммушечек — торговцем квартирами по кличке Недвижимец. Он придумал замечательную вещь: находил одинокого нуждающегося пенсионера или пенсио-

нерку, обещал солидное ежемесячное вспомоществование, а те в знак ответной признательности должны были завещать ему свою жилплощадь. В общем, ничего особенного, фантастически доходного, но бизнес тем не менее процветал, потому что облагодетельствованные старички после заключения контракта помирали с какой-то несвойственной даже их преклонному возрасту расторопностью и квартиры поступали в полное распоряжение Недвижимца. Как ему удавалось регулировать смертность своих клиентов — загадка, но, думаю, дело связано с тем, что, помимо квартир, он еще приторговывал просроченными американскими пилюлями от головной боли, каковыми бесплатно снабжал своих пенсионеров. А как известно, самые головокружительные открытия происходят на стыке наук!

И вот однажды, почувствовав себя необратимо богатым, Недвижимец закупил целый теплоход, приглашал певцов, артистов, телезвезд. Меня же, грешного, выписали для того, чтобы в перерывах между эстрадными номерами я читал мои эпиграммушечки:

Налоги — несущественны,
Политика — былье,
Когда срываешь с женщины
Французское белье!

Там, на теплоходе, я познакомился с одним хмырем, который умел имитировать голоса разных знаменитостей, но его взяли только для того, чтобы он говорил голосом Недвижимцевой тещи одну лишь фразу: «Дура я коломенская...» — что вызывало феерический восторг хозяина. Голосом тещи он овладел настолько, что Не-

движимец начал на него даже по-родственному покрывать, а потом и поколачивать. В результате парень не выдержал и сошел на берег в Нижнем Новгороде. Но перед тем как сбежать, он посоветовал мне вложить деньги в акции АО ДДД. «Деньги должны работать, а не мы...» — молвил он на прощание, прикрывая здоровенный чернильный синяк под глазом — награду за подражательство. И я послушал этого идиота, чтоб ему всю оставшуюся жизнь подражать реву довоенного унитаза: АО ДДД оглушительно лопнуло, снова сделав меня нищим. Но об этом как-нибудь потом...

Когда я совсем уже отчаялся и стал поглядывать на многочисленных столичных нищих с полупрофессиональным интересом, вдруг позвонил Недвижимец. У него были серьезные неприятности со здоровьем: с похмелья, по ошибке, он принял американскую пилюлю от головной боли, к счастью, только одну — это его и спасло. На радостях Недвижимец решил отметить свой день рождения на Сицилии, куда и звал меня, обещая хороший гонорар. Замирая от счастья, я выдержал паузу и тут же согласился.

В Катанье я практически ничего не делал, шатался по городу, пил дешевое итальянское винишко, купил себе на меркато, проще говоря, на толкучке, пиджак и несколько хороших рубашек. Выступать мне пришлось один только раз во время прощального обеда, накрытого персон на сто в роскошном загородном ресторане под старинным акведуком. Наши мафиози, слетевшиеся отовсюду, чтобы поздравить новорожденного, громко ржали над моими эпиграммусечками. Но итальянские коллеги только улыбались для приличия, хотя переводил им доктор филологических наук из МГУ, лучший

знаток Габриэля Д'Аннунцио, специально привезенный по такому случаю. Причем за перевод дюжины эпиграммусечек, признался он, пьяно плача на моем плече, ему заплатили в несколько раз больше, чем за всего Д'Аннунцио, которого он, бедняга, переводил двадцать пять лет! Из итальянцев оценил мое творчество только директор библиотеки Катаньского университета. Он подошел ко мне и через жалобно всхлипывающего переводчика сообщил, что как раз готовит антологию современной российской поэзии и обязательно включит меня в нее, поставив между Евтушенко и Пушкиным. После такого заявления каждый итальянский мафиози счел своим долгом пожать мне руку, ибо директор библиотеки, как оказалось, и был крестным отцом. Растроганный таким признанием со стороны местной элиты, Недвижимец заплатил мне в полтора раза больше, чем обещал, и я обрадованно смекнул, что смогу купить еще и новую машинку, электрическую. Кроме того, мой расщедрившийся наниматель вручил мне обратный билет бизнес-класса, а сам остался еще на недельку, чтобы ознакомиться с тонкостями решения жилищного вопроса на Сицилии. Его гости разлетелись кто в Штаты, а кто на Канары. Переводчик Д'Аннунцио, протрезвев, устроился ложкомоем в тот самый ресторан под акведуком. Вот почему в Москву я возвращался, одиноко прихлебывая из пластмассового стаканчика «Смирновскую» и заедая ее оливочками, фаршированными анчоусами.

Я снова поглядел в иллюминатор и принялся старательно думать, с чем еще можно сравнить видневшуюся далеко внизу землю. Но безрезультатно... Наверное, я даже чуть-чуть вздремнул: в голове воцарилась нежная многозначительная невнятица. Очнулся я оттого,